

© 2004 г.

П.А. СОРОКИН, Р.К. МЕРТОН

СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ: ОПЫТ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО И ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Категория астрономического времени - лишь одна из концепций времени. В сферах философии, психологии и экономики эти концепции различаются. Всякое операциональное определение обиходных выражений времени показывает, что часто референтной рамкой выступают социальные явления, а единицы времени определяются ритмом коллективной жизни. Потребность в социальном сотрудничестве - основа социальных систем времени. Качество социального времени дифференцируется по верованиям и обычаям, общим для группы. Социальное время не непрерывно; его прерывают критически важные даты. Все календарные системы возникли из социальных потребностей и ими увековечены. Они вырастали из социальной дифференциации и расширения сфер социальной интеракции. Возможно, введение социального времени как методологической категории будет способствовать открытию социальных периодичностей.

Ни одна концепция движения невозможна вне категории времени. В механике, например, время считается независимой переменной, выступающей как непрерывная функция трех координат, детерминирующая положение точки. Точно так же - необходимая переменная социальных изменений. Адекватность концепции астрономического (календарного времени) для изучения движения или меняющихся общественных явлений представляет собой, таким образом, проблему фундаментальной важности. Являются ли периоды годов, месяцев, недель, дней единственным, или даже самым удобным темпоральным измерением в системе социальной динамики? Многие обществоведы исходят из подразумеваемой посылки, что нет системы времени, кроме астрономической или не вполне совпадающего с ней календаря, а если такая система возможна, она бесполезна. У них время состоит из сравнимых частей. Оно квантитативно, не имеет качественных свойств, непрерывно и не допускает лагун. Цель данной статьи - показать, что в сфере социальной динамики подобное ограничение одной концепцией времени связано с рядом существенных недостатков.

Формула понятия времени по Ньютону: однородного, бесконечно делимого и непрерывного - это, вероятно, самый определенный постулат факта объективности времени. В астрономии современные доктрины относительности показали, со своей стороны, условность времени по Ньютону. С другой стороны, такие философы как Брэдли, Беркли и Кант, а в последнее время Спенсер, Гьюйо, Джемс и Бергсон подвергли критике универсализм этой концепции. В социологии, кроме ряда приверженцев школы Дюркгейма, этой фундаментальной категории уделяется очень мало внимания.

То, что астрономическая концепция времени не единственная, видно даже на первый взгляд. В философии есть то, что можно назвать "онтологическим" временем. Аристотель и

Публикуемая статья впервые напечатана в "American Journal of Sociology" (Chicago, 1937, v. 42, № 5, p. 615-629). П. Сорокин в это время руководил отделением социологии, Р. Мертон - преподавал социологию в Гарвардском университете. Российские обществоведы ссылались на эту статью, но нам неизвестны ее публикации на русском языке.

Скажем сразу, что мы не касаемся спора об априорной или эмпирической деривации времени как категории. Анализ этой проблемы у Дюркгейма обесценен его стремлением поместить время в контекст данных споров, порождая тенденцию к постановке вопросов, недоступных научному анализу. Наша постановка вопроса в известной мере близка проблемам современной *Wissenssoziologie*, особенно тем, которые Шелер обозначил как "формальные проблемы" социологии знания.

Зенон, если брать наугад, считали время нематериальным, полностью субъективным. Для Канта время - формальное априорное условие восприятия всех явлений¹. Беркли и Брэдли просто отвергали время как явление, лишённое объективной реальности. В свою очередь, Джемс считает концепцию "объективного" времени полезной фикцией. Бергсон полагает, что "воображаемое гомогенное время - идол языка, фикция".

Концепции времени в психологии также весьма отличаются от астрономических. Здесь время берется не как "протекающее в устойчивом ритме, неподдающееся быстроте или медлительности движения материальных вещей"², а как в решающей мере подверженное влияниям числа и важности конкретных событий, происходивших в данный период наблюдений. Как отмечает Джемс, "Вообще, время, заполненное разнообразными интересными переживаниями, кажется быстрым в протекании, но длительным в наших воспоминаниях. Напротив, отрезок времени, лишенный переживаний, кажется текущим долго, а в ретроспективе - кратким".

То есть, в реальном восприятии мы далеки от опыта идеально понятого времени, которое *aequabiliter fluit* (течет равномерно - лат., *примечание переводчика*). Психологи экспериментально показали различия оценки человеком протяженности и реальной продолжительности минувшего астрономического времени³. Для человека по опыту время далеко не "бесконечно делимое", вопреки древнему парадоксу Ахилла и черепахи. Многие эксперименты показали, что люди не могут воспринимать разницу во времени менее одной сотой секунды⁴.

В психологии само введение концепции "ментального возраста" (mental age) - свидетельство методологической недостаточности астрономической хронологии в этой области. Эмпирически доказано, что нет постоянной связи между хронологическим и ментальным возрастом. Поэтому многие взгляды психологов на поведение людей в связи с "возрастом" требуют темпоральной референтной рамки, отличающейся от обычной. Как мы увидим, этот вывод еще более значим в социальной сфере.

Экономисты также признают, что астрономическое, часовое время не всегда применимо. Маршалл, например, в известном анализе зависимости экономического равновесия от "долгих" и "коротких" периодов, в течение которых рынок считается растущим, давно подметил непригодность астрономического времени. По словам Опи⁵, "когда он [Маршалл] стал различать долгие и короткие периоды, у него критерием было не время на часах, а "операционное" время, связанное с действием экономических сил. Основную роль обрели силы предложения; время было соответственно долгим или кратким в зависимости от изменчивости или устойчивости некоторых конкретных сил со стороны предложения (as it involved modifiability or fixity in some chosen forces on the supply side). Чем выше изменчивость силы предложения, тем дольше период рассматриваемого времени, *независимо от времени на часах [курсив Сорокина и Мертона]*". Концепция экономического времени - специальный предмет анализа Эриха Фёгелина и - несколько менее аналитично - Штреллера. Но она также присутствует в трудах Бем-Баверка, Джевонса (W. S. Jevons), Отто Эфертца, Кнута Викселя и многих других экономистов⁶.

Разные концепции времени и, прежде всего, революционные перемены в области самой астрономии, порожденные эйнштейновым анализом понятия одновременности, - иллюстрация операциональных по своей сути критериев времени. Если мы ищем операции, позволяющие определять время социальных событий, обнаруживается, что и сегодня далеко не все подобные определения времени соотносимы с астрономическими или даже календарными рамками. Бриджмен, обобщив этот класс фактов, говорит, что "методы, применяемые нами для привяз-

² Bergson H. Matter and Meaning. L. 1919, p. 274.

³ Maxwell J. Clerk Matter and Motion. NY. 1878, p. 28.

⁴ James W. Principles of Psychology. NY, 1922, v. 1, p. 624; ср.: Hubert H., Mauss M. Melanges d'histoire des religions. P. 1909, p. 207.

⁵ Sturt M. Psychology of Time. L. 1925, глава о "Продолжительности". Это известно давно. См. экспериментальный анализ, проведенный такими учеными как Lotze, Munsterberg, Hemholtz, Bolton, Woodworth и др.

⁶ Sturt M. Op. cit., гл. 1.

⁷ Marshall A. Principles of Economics. L. 1925, p. 330.

⁸ Opie R. Marshall's Time Analysis//Ec. J. 1931, V. 41, June, p. 198-199.

⁹ Vogelin E. Die Zeit in der Wirtschaft // Archiv fur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1924, Bd 53, S. 204; Streller R. Statik und Dynamik in der theoretischen Nationalökonomie. Leipzig, 1926, S. 126 ff.; а также: он же. Die Dynamik der theoretischen Nationalökonomie. Tubingen, 1928, *passim*.

ки времени к событиям, меняются с характером событий так, что время может выступать в различных облачениях"¹⁰. То есть, социальное время отражает изменения, движение социальных феноменов в терминах других социальных феноменов, принятых за референтные точки. В своих повседневных действиях мы часто используем этот способ обозначения точек времени. "Вскоре после мировой войны", "Встречу вас после концерта", "когда президент Гувер занял свой пост", - все связано скорее с социальными, чем с астрономическими референтными рамками, как указание конкретных точек времени - "время когда". Более того, такие соотношения гораздо выразительнее полностью равноценных им астрономических, календарных референтных точек ("примерно в 1918-19 г.", "в 11 часов пополудни", "март 1929 г."), так как обычно ими устанавливается дополнительная значимость отношения между событиями и временной референтной рамкой. Например, инаугурация президента Гувера как индикатор времени, когда, скажем, были заменены две тысячи почтальонов, говорит много больше, чем констатация самого факта, что эта замена случилась в марте 1929 г. Иными словами, соотношение с календарем делается значимым, только когда оно трансформировано в социальное время. Методологическое значение этого рассмотрено ниже.

Аналогичным образом мы обозначаем протяженность времени таким определением как "один семестр", "за рабочий день", "на время Великого поста", оперируя понятными всем протяженностями времени без упоминания астрономических явлений. Более того, нет жесткой связи между двумя первыми отрезками и астрономическими феноменами, поскольку социальные интервалы могут варьировать независимо. Такие обозначения, если они не пережиток очень распространенных способов идентификации отрезков времени у примитивных народов, как минимум, выполняют те же функции.

Примитивные народы для обозначения времени пользуются другими средствами, *взятыми из их повседневных дел*, ничего общего не имеющих с социальным временем. На Мадагаскаре "варка риса" часто значит "полчаса", а "жарка саранчи" - момент. Туземцы Крестовой реки говорят: "Человек умер менее чем за время неполной прожарки маиса", т.е. меньше пятнадцати минут; "время, за которое можно приготовить пригоршню овощей"¹¹.

Обозначения времени, в смысле и продолжительности и выражения, связаны с социальными действиями или достижениями. Периоды, свободные от сколько-нибудь значимой социальной деятельности, обходят, не наделяя их каким-либо обозначением¹². Здесь время не продолжается - разрыв виден всякий раз, когда конкретный период не содержит социальных интересов или важности. Выражения времени отражают социальную жизнь группы. Названиями дней, месяцев, времен года, даже годов фиксируют ритмы жизни коллектива. Однородность социальных биений, пульсации, деятельности делает ненужными астрономические рамки. Каждая группа с собственными связями общего, понятного всем ритма деятельности отсчитывает свое время соответственно своему поведению¹³. Никакие сложные расчеты, основанные на математической прецизионности и точных астрономических наблюдениях, не нужны для синхронизации и координации социального поведения.

Так хази (Khasis - племя северо-восточной Индии) обозначают месяцы по действиям, совершаемым в каждый из них: "месяц прополки", "месяц жарки продуктов земли" и т.д.¹⁴. В племени Meithei все обозначения времени соответствуют *шахитабу*: каждый год получает имя важного лица. Кодригтон пишет о меланезийской системе: "невозможно связать с солнечным годом последовательность месяцев у туземцев - имена месяцев соответствуют тому, что делается"¹⁶. У навахо "названия месяцев живописуют жизнь семьи, а также круг жизни

¹⁰ Bridgman R.W. The Concept of Time // Scientific Monthly. 1932, August, V. 35, p. 97. См. всю подборку по теме "Шкала времени" в этом номере.

Nilsson M.P. Primitive Time Reckoning. Lund, 1920, p. 42. Много примеров обозначения продолжительности и выражения времени в этнографической литературе. См., напр., монографии таких авторов: J.H. Hutton, J.P. Mills, W. Hough, J. Roscoe, A.C. Hollis, R. Firth, W.H. Bleck, L.C. Lloyd.

¹² См.: Best E. The Maori Division of Time. 1922. Dominion Museum, Monograph № 4, p. 19.

¹³ Sturt M. Op. cit., p. 141: "... Время - это понятие, и оно конструируется каждым человеком под влиянием общества, в котором он живет".

¹⁴ Gardon P.R.T. The Khasis. L. 1914, p. 193.

¹⁵ Hudson T.C. The Meithei. L. 1908, p. 105.

¹⁶ Codrington R.H. The Melanesians. Oxford. 1891, p. 349.

овец, контролируемых ею". Мы видим, что система обозначения времени отражает социальные действия группы. Источники ее возникновения - коллективы. Обычай их соблюдения - социальная необходимость. Они возникают из жизненного цикла групп и, в целом, детерминированы религиозными действиями и трудовым распорядком дня. Их подкрепляет потребность в социальной координации. В сущности своей они продукт социальной интеракции. Дюркгейм точно подметил в этой связи, что "календарь выражает ритм коллективных действий, и в то же время его функция - обеспечение их регулярности".

Земледельческие народы с ритмом времени, отличным от племен охотников и пастухов, дифференцируют интервалы времени способом, не похожим на способы последних. Дни регулярного отдыха, по-видимому, неизвестны мигрирующим племенам охотников и рыболовов, пастухам-кочевникам, но их часто соблюдают первобытные земледельцы¹⁹. Так и крупный город требует референтных рамок времени, совершенно иных, чем небольшая деревня. Другими словами, обозначения исчисления времени в своей основе зависят от организации и функций группы. Образ жизни определяет феномены, репрезентирующие начало и конец времен года, месяцев и других единиц времени. Даже когда при фиксации границ временных периодов используются явления природы, выбор их зависит от интереса и полезности, которые они представляют для группы. Так, год у евреев, "как естественно, и должно быть у земледельческого народа", зависит от годичной череды культур. Структура времени меняется с социальной структурой общества.

Астрономическое время однообразно, однородно; оно чисто количественно, лишено качественных свойств. Можно ли такими же характеристиками наделить время социальное? Очевидно, - нет. Есть выходные дни, дни исполнения определенных гражданских функций, "счастливые" и "несчастливые" дни, религиозные дни и т.д. Промежутки времени обретают свои особые качества благодаря связи со свойствами или действиями. Это в равной мере относится к примитивным и более сложным обществам. Так, Джемс пишет: "Мой друг-туземец долго решал задачу, почему каждый день недели имеет для него свой характерный облик. Воскресенье он быстро заметил по прекращению городского шума и шуршания обуви пешеходов о тротуар. Понедельник выражался сушкой во дворе белья, блики которого были заметны на потолке; вторник, и т.д. Может быть, каждый час для большинства из нас имеет какой-либо внешний или внутренний знак, связанный с ним столь же прочно, как эти знаки с днями недели"²².

Даосизм предписывает, согласно "магической универсальной" книге по хрономантии, "подходящие дни для заключения брака, переезда в другой дом, пошива одежды; дни, в которые следует начинать ремонт дома, храма, корабля". У магометан понедельник, среда, четверг и пятница счастливые дни; вторник, суббота и воскресенье - дни злые и несчастливые. Пятница - святой день, день отдыха магометан, как суббота у евреев и воскресенье у христиан. Для греков календарь имел определенный сакральный смысл - с полным обозначением удачных и неудачных дней. Четвертое и двадцать четвертое считались днями, опасными для некоторых предприятий. Пятое было крайне неудачным; шестнадцатое - неудачным днем для рождения и брака девочек; четырнадцатое было добрым днем для забоя скота"²⁴.

Coolidge M.R., Coolidge D. The Navajo Indians. Boston-NY. 1930. p. 60. Названные в примечании 11 этнографы, как и другие, приводят много подобных примеров.

¹⁸ *Durkheim E. Elementary Forms of Religious Life. NY - L. 1926, p. 11. 18*

19

Webster H. Rest Days. NY, 1916, pp. 100 ff.

²⁰ *Nilsson M.P. Op. cit., ff. 58 pp; ср.: Hubert H., Mauss M. Op. cit., pp. 219 ff.*

²¹ *Woods F.H. Calendar (Hebrew) / Encyclopaedia of Religions and Ethics. NY, 1928, V. III, p. 108.*

²² *James W. Op. cit., v. I, p. 623. F.H. Colson так суммирует функциональную важность социальных интервалов времени: "как сами мы запоминаем дни недели? Очевиден ответ, что нечто происходит в один или несколько из них. Если, так или иначе, мы теряем счет дням недели, с воскресеньем не будет ошибки, даже если этот день не связан с религиозными чувствами. Так же и школьные каникулы, короткие дни напоминают о себе тем, кто с ними прямо не связан. Но если не происходит ничего, я очень сомневаюсь, чтобы сохранялась, не говоря уже о том, чтобы возникла, последовательность дней недели" - The Week, Cambridge, 1926, p. 63.*

²³ *De Groot J.J. Religion in China. NY. 1922, pp. 245 ff.*

См.: *Hesiod. Book of Days. L. 1858: "вечный календарь добрых и плохих дней; не суеверия, а необходимость (поскольку этого требуют природные причины) для соблюдения всеми".*

Едва ли нужно отмечать, что мы не касаемся вопроса истинности этих верований. Они в любом случае - социальные факты. Обнажая разные качества, которыми реально наделяются конкретные единицы времени, они служат указанием на то, что простая количественная мера времени не расскажет о свойствах, которыми члены группы наделили разные единицы времени. Количественные подходы игнорируют тот факт, что "ум человека стремится наделить необычной ценностью любой день календаря, чем-то выделяющийся"²⁵. Отсюда не обязательно следует, что у социального времени нет квантитативных аспектов. Однако, как представляется, оно - не чистое количество, однородное во всех своих частях, всегда сопоставимое с собой и точно измеряемое. В суждениях о времени присутствуют соображения способности, возможности, преемственности, постоянства, сходства. Равенство ценностей, относимых к интервалам времени, не обязательно есть измеренное равенство²⁶.

Различия в качестве порождают зависимость относительных ценностей отрезков времени не только от их абсолютной протяженности, но и от природы и интенсивности их качеств. Количественно равные периоды времени делаются социально неравными, а неравные периоды социально выравниваются. Например, "численно равные части *кальпы* у индусов не считаются имеющими равную протяженность"²⁷. Точно так же, Chongli измеряют долгие периоды времени поколениями (время правления одной группы старейшин), количественно, может быть, не равные, но все же считающиеся равными благодаря идентичности качественных аспектов²⁸.

В целом, можно сказать, наше исследование обнаружило к настоящему времени следующие факты: социальное время, в отличие от времени в астрономии, обладает качествами, а не только количеством; эти качества производны от верований и обычаев группы, они также служат обнаружению ритмов, пульсаций, биений обществ, в которых найдены.

Математическое время "пусто". Оно лишено признаков, лакун, служащих точками начала и конца. Для календаря же требуется какая-либо отправная точка или фиксированная дата. Должно быть некое начало, спорное или нет, чтобы инициировать каждую систему отсчета времени, якобы не прерывающуюся. С этой целью "всегда прибегали к конвенционально избранной дате какого-то гражданского исторического события"²⁹. В любом случае отправная точка всегда социальна или наделена глубокими социальными следствиями; это каждый раз событие, считающееся социально особо значимым³⁰.

Этим путем были введены такие социальные референтные рамки как смерть Александра или битва при Geza у вавилонян, олимпиады у греков, основание Рима (*anno urbis conditiae* - год сотворения города - лат., - *примечание переводчика*), битва при Актинуме у римлян, преследования Диоклетиана и рождение Христа у христиан, мифологическое основание японской империи Джимму Тенно (Jimmu Tenno) и открытие меди (эра Уэдо) в Японии, Хиджра у магометан, явление белого фазана императору Японии (эра Хакучи)³¹ "Египет никогда не думал датировать летописи иначе как годами правления властвующего фараона"³². И армяне вели летоисчисление годами правления царей и патриархов. В нескольких этих примерах, взятых из практически неисчерпаемого перечня, мы находим некоторое основание предположить, что народы строят свои эры в терминах определенных примечательных событий, имевших социальные последствия.

²⁵ Kroehcr A.L. Anthropology. NY. 1923, p. 262.

²⁶ Hubert H. Mauss M. Op. cit., pp. 219, особенно обсуждение качественных аспектов времени в главе о "Репрезентации времени".

²⁷ Там же. p. 207.

²⁸ Mills J.P. The Ao Nagas, p. 400.

²⁹ Philip A. The Calendar. Cambridge. 1921, p. 48.

³⁰ См.: Halbwachs M. Les Cadres sociaux de la memoire. P., 1925, p. 71. А также: Durkheim E. Op. cit., pp. 10-11: Durkheim E., Mauss M. De quelques formes primitives de classification // Annee sociologique, T. VI, p. 1901-1902, pp. 1-71.

³¹ Ginzel F.K. Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie. Leipzig, 1906, Bd. I, SS. 131-222, 238. *passim*. Фундаментальный трехтомник Гинцеля содержит богатую историческую информацию по данной проблеме.

³² FOUKART G. Calendar (Egyptian) / Encyclopaedia of Religion and Ethics, v.III, p. 92.

То есть мы не можем перенести на социальное время характеристику непрерывности, постулируемую ньютоновой концепцией астрономического времени³³. Нильссон, чье исследование счета времени у примитивных народов считается самым солидным, настаивает на этом. Принцип *pars pro toto* (часть вместо целого - лат., *примечание переводчика*) в отсчете времени (то есть, подсчет не целыми единицами, а конкретным феноменом, случающимся лишь раз в данную единицу времени) показывает, что, в сущности, всякий счет времени прерывен. Год в природе может быть непрерывным, но год в календаре имеет и начало и конец, часто отмеченные темпоральным разрывом и обычно выделяемые некими социальными ритуалами.

Распространенные верования, что деление времени определяется астрономическими явлениями, далеко не точны³⁴. Наша система деления недели на количественно равные периоды - образец общепринятого подхода к подсчету времени. У Khasi неделя почти всегда состоит из восьми дней, потому что каждый восьмой день - базарный. Проявление того, что у них неделя имеет скорее социальное, чем "природное" происхождение, отражено в названиях дней недели не по планетам (более позднее и непонятное явление), а по местам проведения главных торжищ. Точно так же неделя римлян состоит из *nundinae* (нундины, рыночные дни - лат. - *примечание переводчика*), повторявшихся каждый восьмой день, по которым сельчане продавали в городах свои продукты. У племени Muisca в Боготе неделя состоит из трех дней; у многих племен Западной Африки из четырех; в Центральной Америке на архипелаге Вест-Индии, в прежней Ассирии (а сейчас и в Советской России) была пятидневная неделя; у населения Того - шестидневная. У древних евреев и в большинстве стран современной цивилизации неделя состоит из семи дней; примеры восьмидневной недели - римляне, хаси, многие племена Африки. У инков в неделе было десять дней. Постоянная черта почти всех этих разноточных недель то, что их истоки всегда связаны с рынком³⁵. Колсон прямо указывает, что ранние формы той недели, о которой нам что-либо известно, использовавшие такой отчет группы подкрепляли ссылками, никак не связано с лунной³⁶. Появление и распространение этой единицы времени всегда смыкалось с каким-либо периодически соблюдаемым социальным событием, но не было следствием наблюдения за небесными телами. Более того, как точно подметил Хаттон Вебстер, некая фаза социальной структуры обычно объединяет расхождения в продолжительности недели. "Короткие интервалы в три, четыре дня, пять дней отражают простую экономику примитивной жизни, когда рынок должен повторяться достаточно часто, чтобы позволить соседствующим сообществам, не держащим больших запасов пищи и других нужных предметов, получать их друг у друга. Более продолжительные циклы в шесть, восемь и десять дней, гораздо менее распространенные, возникают путем удвоения прежнего периода, когда требуется большой рынок для произведенного на крупной территории"³⁷.

Точно так же длительность месяца не обязательно устанавливается по фазам Луны. У Моммзена, например, отмечено: римляне имели календарную систему, "практически никак не связанную с лунным циклом", что вело к использованию "месяцев спорной продолжительности"³⁸. Тот же отказ от лунного цикла в определении месяцев сохранился до настоящего времени. Равные периоды астрономического времени приравнены друг к другу социально, что подтверждает практика выдачи месячных зарплат. Равенство месяцев - конвенциональное, не астрономическое. Социальная длительность не равна длительности астрономической, так как первая - это длительность символическая, а вторая - эмпирическая.

Даже сегодня очевидна распространенность "окраски" астрономического времени образами социальными. Достаточно вспомнить недавно введенное "зимнее время", - экономия за счет светлого времени суток. Того же результата: увеличение числа часов светлого времени суток для отдыха и здоровья, - можно достигнуть и просто переходом на рабочий день с 8 до 4-х часов. Но формула "с девяти до пяти" так укоренилась в нашей экономике, что сочли предпочти-

33 Маршалл также считал возможным предположить, что непрерывность не оправдана в случае с феноменами экономики (см. примечание 11).

34 Nilsson M.P. Op. cit., pp. 281: "Не следует забывать, что астрономия и календарь не идентичны. В календарях практическая польза важнее точности астрономических подсчетов".

35 Там же, p. 363.

36 Cohan. Op. cit., pp. 3, 112-113 (см. примечание 22).

37 Там же, pp. 117-118.

Mommsen T. History of Rome. V. I. NY, 1885, p. 279. В связи с нашей проблемой см. всю его 15-ю главу.

тельным менее резко сменить числовое обозначение единиц двадцатичетырехчасового цикла. Тем самым вновь продемонстрирована конвенциональная природа обозначения времени.

У всех систем календаря есть одна общая характеристика. Они возникают из социальных потребностей и увековечены ими. Все периодические события в обществе, требующие в определенное время присутствия какого-то числа людей (особенно из разных социальных группировок или из некой одной крупной социальной группы), делают необходимым какое-то общее средство обозначения времени, которое было бы понятным всем сторонам-участникам. Религиозные церемонии, ритуалы, празднования времен года, охота, военные походы, торги, межплеменные сходы и т.п., - все требует сложного взаимодействия множества людей в фиксированное время - источник четко определенной системы указания времени. Системы времени, принятые в малых, тесно сплоченных группах, участвующих в одном и том же социальном цикле, по мере расширения взаимодействия делаются недостаточными. Люди, собравшись вместе из разных социальных и культурных условий (background), нуждаются в некой темпоральной схеме, равно понятной всем, если они намерены синхронизировать и координировать свои действия.

Впервые крупные скопления людей с разными характеристиками (backgrounds) образовались в древних городах. Там и тогда стала очевидной необходимость создать понятную всем референтную рамку. Так, у римлян, "Когда началась жизнь городов, само собой стало нужным иметь более точную меру *annus* (года - лат., *примечание переводчика*) и вошедших в него религиозных событий. Сельское хозяйство все еще было экономической основой жизни людей. И в соответствии с сельскохозяйственным религиозным ритуалом в городах было удобно, если не абсолютно необходимо, фиксировать определенные дни. Без сомнения, таковы истоки самого раннего (?) календаря, о котором мы что-нибудь знаем³⁹. Точно так же именно потребности регулирования религиозного культа "впервые создали календарь в Греции"⁴⁰. И, как пишет Спинден, даже строго астрономический календарь индейцев майя имел по своей сути явно религиозные цели .

Вышеизложенные аргументы можно суммировать в ряде основных положений. Систем времени много, и они различаются, в частности, своей эффективностью применения к событиям разного порядка. Нетрудно предположить, что астрономическая или даже календарная системы времени лучше всего пригодны для обозначения и измерения одновременности, последовательности и длительности социальных феноменов. Все системы времени могут быть сведены к потребности в обеспечении синхронизированных и координированных действий и наблюдений лиц, образующих группы. Системы локального времени варьируют в соответствии с разницей объема, функций и действий разных групп. С расширением межгрупповой интеракции не может не выработываться общая или расширенная система времени, чтобы преодолеть или как минимум расширить локальные системы времени. Поскольку ритм социальных действий различен в разных группах или внутри одного высоко дифференцированного общества, локальные системы отсчета времени более не удовлетворяют. Даже природно-биологические события (например, созревание урожая) могут оказаться недостаточными как общая референтная рамка из-за роста сфер интеракции, так как отмеченные события в разных областях не происходят одновременно. В результате общая основа была найдена в астрономических феноменах и в более или менее широком распространении ставших конвенциональными представлениями о непрерывности времени. Так социальная функция отсчета и обозначения времени как необходимого средства координации социальной деятельности послужила импульсом к появлению систем астрономического времени. Введение их стало необходимым из-

³⁹ *Fowler Ward W.* Calendar / *Encyclopaedia of Religion and Ethics*, V. III, p. 133. Ср. замечание Георга Зиммеля, подметившего: условия большого города таковы, что "связи типичного жителя города" столь многообразны, сложны и, прежде всего, столь переплетены со всем организмом предельно многочисленных частей, благодаря скоплению множества людей с весьма различными интересами, что все рухнуло бы, вызвав необратимый хаос, без предельно точной пунктуальности в обещаниях и действиях... [без] однозначности встреч и договоренностей, аналогично тому, как они определяются извне путем широкого распространения часов" - *P.A. Sorokin, C.C. Zimmerman, C.J. Galpin.* Large Cities and Mental Life / *A Systematic Source Book in Rural Sociology*. Minneapolis, 1930, V. I, p. 244.

⁴⁰ *Nilsson M.P.* Op. cit., p. 366.

⁴¹ *Spinden H.J.* Maya Inscriptions Dealing with Venus and the Moon // *Bulletin of the Buffalo Society of Natural Sciences*. 1928, V. 34, № 1; ср.: *Philip A.* Op. cit., p. 7: "...Обнаружено, что лунно-солнечные календари имеют преимущественно сакральное или религиозное происхождение".

за непригодности локальных систем в обстановке растущего числа контактов и организованной интеракции с вытекающей отсюда недостаточной однородностью ритмов социальных действий. Астрономическое время, своего рода "эсперанто в делах времени", явление социальное. Этот процесс шел быстрее по мере урбанизации и социальной дифференциации, когда по мере роста многомерности социального пространства стимулировал организацию ранее хаотично варьировавших действий индивидов.

Локальные системы времени качественны, пронизаны выраженными местными значениями. Система времени, предназначенная для преодоления этого качества разных локальных систем, по необходимости должна абстрагироваться от индивидуальных свойств различающихся систем. Отсюда важный для нас социальный элемент определения концепции чисто квантитативного, однообразного и однородного времени; одномерное астрономическое время было, в сущности, заменено многомерным социальным временем.

Чтобы облегчить и обогатить исследования сферы социальной динамики, нужно восстановить понятие социального времени как помощника, если не преемника, времени астрономического. Поиск социальных периодичностей на базе безусловного принятия астрономических критериев времени, может быть, в основном был безуспешен именно потому, что социальные феномены охватывают "символические", а не "эмпирические" равенства и неравенства. Социальные процессы, кажущиеся сейчас лишенными периодичностей по астрономическим меркам, могут оказаться по характеру вполне периодичными в терминах времени социального. По меньшей мере, это целесообразно проверить. Могут возразить, будто такие попытки дадут просто соотношения разных наборов социальных явлений. Разумным это возражение будет, только если игнорировать факт, что обычные процедуры охватывают лишь корреляции астрономических (или календарных) и социальных феноменов. Более того, есть ли теоретические основания, явные или подразумеваемые, сформулированные или нет, ожидать корреляций астрономических и социальных последовательностей в событиях?⁴² И, наконец, какова возможная значимость таких корреляций, если их удастся установить? Факт - но насколько известно нам, его последствия постоянно игнорируются - что *когда социальные и астрономические ("время") феномены взаимосвязаны, должны быть установлены другие социальные корреляты тех же астрономических феноменов, прежде чем эти отношения обретут какую-либо научную форму*. В противном случае они - всего лишь ряды эмпирических данных, теоретически бесплодные. Если мы хотим расширить наше знание темпоральных аспектов социальных перемен и процессов, мы должны шире трактовать нашу категорию времени, включив в нее понятие социального времени.

Гарвардский университет.

Перевод Н.В. РОМАНОВСКОГО при поддержке РГНФ (грант № 03.03.00057а)

Если бы многие обществоведы до сих пор не игнорировали элементарное процедурное правило, едва ли нужно было бы подчеркивать принцип, что статистические корреляции должны использоваться только для проверки заключений, полученных по другим основаниям (См.: *Keynes J.M. A Treatise on Probability*. L., 1921, p. 426).